

СОЦИОЛОГИЯ ПАМЯТИ

ВЛИЯНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ: КЕЙС РАЙОНА ТУШИНО

Галина Георгиевна Карпова (karp141@yandex.ru)

Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия

Цитирование: Карпова Г.Г. (2021) Влияние коллективной памяти на потребительские практики: кейс района Тушино (Москва). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1): 138–167. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.6>

Аннотация. Статья посвящена исследованию преобразований потребительских практик старожилов района Тушино, связанных с восприятием новых инфраструктурных объектов района. Среди районов Москвы Тушино занимает значимое место благодаря важной роли в качестве одного из центров аэрокосмической, оборонной и гражданской отраслей промышленности в советские годы. В частности, работники Тушинского машиностроительного завода, основанного в 1932 г., в сотрудничестве с научными сотрудниками предприятия «Молния» строили пилотируемый орбитальный корабль «Буран» в 1988 г. В начале 2000-х годов работа на тушинских заводах стала угасать, и к 2013 г. производственные цеха полностью прекратили функционировать, уступив свое пространство под аренду коммерческим компаниям. Тем не менее заводские объекты остаются значимыми для жителей и в постиндустриальном обществе, а связанные с ними воспоминания составляют коллективную память старожилов. Каким образом коллективная память и трансформация постфабричной инфраструктуры влияют на потребительское поведение старожилов района? В работе я продолжаю идею проекта «Прошлое и настоящее рабочих районов», однако в фокусе моего внимания — потребительские практики старожилов в контексте районных изменений. В ходе исследования проведено девять полуструктурированных интервью с бывшими работниками Тушинского машиностроительного завода, предприятия «Молния», а также старожилами района, не задействованными в заводской жизни. Информантам задавались вопросы об истории проживания в районе, взглядах на современные изменения и потребительских привычках. По итогам анализа интервью я представляю три потребительские стратегии реагирования на районные преобразования, которые разделяют старожилов. Первая стратегия основана на индивидуальном потребителем сопротивлении и объединяет жителей, которые сопротивляются преобразованиям путем приверженности магазинам, универсамам, домам культуры и спорта, оставшимся с советских времен. Они поддерживают социальные связи с другими представителями своего сообщества, образуя в социальном понимании социальные сети. Жителям, вошедшим в эту категорию, свойственно посещать практически не изменившиеся места в районе, называть

их прежними именами, связанными с заводским прошлым. Вторая группа включает в себя старожилов, которые оказывают сопротивление путем сотрудничества с районной администрацией в должности активистов, волонтеров, советников муниципальных депутатов. Влияя на политические инициативы по преобразованию района и продвигая предложения по сохранению заводской инфраструктуры Тушино, старожилы из этой группы косвенно оказывают потребительское сопротивление. Третья группа объединяет не проявляющих признаков сопротивления старожилов. В результате исследования частично подтверждается предположение о том, что сопротивление постфабричным преобразованиям отражается на потребительском поведении старожилов Тушино.

Ключевые слова: территориальная идентичность, коллективная память, практики потребления, джентрификация, постфабричный район, индустриальный район.

Введение

Первые фабрики в Тушино, до 1938 г. считавшегося поселком, были образованы в конце 1920-х годов. В 1932 г. началось строительство канала Москва — Волга заключенными Дмитлага, и территория района стала местом расположения лагерных поселений. В годы Великой Отечественной войны по тушинскому участку маршрута трамвая № 6, следующего из Братцево до Сокола, проходила линия фронта, а в полную мощь работающие и только недавно открывшиеся авиадвигательный (Московское машиностроительное предприятие им. Чернышева) и машиностроительный (ТМЗ) заводы обеспечивали военные нужды.

В 1960 г. город Тушино вошел в состав Москвы и вплоть до распада СССР оставался столичным центром военной и гражданской промышленности. 15 ноября 1988 г. с космодрома Байконур был произведен запуск орбитального космического корабля «Буран», полностью спроектированного на Тушинском машиностроительном заводе при сотрудничестве с НПО «Молния». Однако с распадом СССР заводы стали расформировываться, полностью остановив свою деятельность к 2013 г. Одни заводские территории простаивают пустыми, некоторые выставлены на продажу. Параллельно со сворачиванием заводской жизни преобразовывался и сам район Тушино: строились новые жилые здания, торговые центры, функциональные помещения, возведенные для жизни заводчан, приобрели новое предназначение (например, в здании бывшей столовой ТМЗ сегодня располагается мебельный магазин).

Актуальность изучения происходящих в районе трансформаций заключается в том, что в последние годы московские окраинные районы переживают интенсивный рост. Благодаря внутренней и внешней миграции социально-экономический образ района перестал быть гомогенным,

как это было в советские годы. Теперь в Тушино можно встретить сетевые магазины эконом и премиум сегментов, бары и рестораны. В результате джентрификации района происходит приток более материально обеспеченного населения, общая картина потребления меняется.

Меняются ли потребительские практики в районе Тушино в связи с изменением условий жизни старожилов при утрате районом промышленной специализации? Существует ли и как выражается сопротивление новому облику района в кругу старожилов? Я предполагаю, что проживающие на протяжении долгого времени на одной территории люди образуют социальную общность, разделяющую единую коллективную память, которая послужила формированию нынешней социально-экономической среды района. Вместе с изменением характера труда в районе возводилась новая инфраструктура, которая частично формирует потребности населения, вносит вклад в многообразие потребительских практик и «стилей жизни».

Исследование опирается на результаты и методологию проекта «Present-Past» (Стрельникова 2018), в основе которого стоит изучение постфабричных территорий Москвы. Район Тушино является одним из них, и потому полученные в ранних исследованиях выводы применимы к нашему случаю.

Содержательные предпосылки изучения постфабричных трансформаций Тушино

По моим изначальным предположениям, коллективная память играет значимую роль в трансформации потребительских практик: в настоящий момент в районе с недавно прибывшим населением, не осведомленным об истории района, соседствуют старожилы — бывшие заводчане. Коллективная память и изменение потребительских практик рассматриваются через призму процесса урбанизации. С одной стороны, можно сказать, что первичная урбанизация постфабричного района Тушино уже завершилась, тогда как, с другой стороны, заметны процессы, являющиеся ее последствиями: джентрификация (Smith 2002), ревитализация (создание новых общественно значимых пространств на территориях старых построек, вышедших из пользования) (Gotham 2001) и т.д. Как было выявлено ранее, урбанизация трансформирует характер и направленность социальных связей, делая их более поверхностными, мимолетными, акцентированными на практической выгоде (Зиммель 2002; Тённис 2002). Поэтому, помимо исследований концепции коллективной памяти и потребления, в теоретических предпосылках будут также рассмотрены работы, посвященные характеристикам социальных связей в городских сообществах.

Понятие коллективной памяти и ее конструирование в современных сообществах

Термин «коллективная память» достаточно широко вошел в употребление в социальных и гуманитарных науках, хотя единая теория о ней и точное понимание объекта и предмета исследований коллективной памяти отсутствуют. Впервые коллективную память как определение выделил французский социолог Морис Хальбвакс в 1925 г. В своей работе он разделяет две памяти — внутреннюю, т.е. личную (индивидуальную), и внешнюю — коллективную. Воспоминания, связанные с внешней памятью, позволяют индивиду быть частью группы, следовать ее общим целям, усваивать разделяемую всеми членами сообщества идеологию. Идеология состоит из консенсуальных представлений членов группы о социальной реальности и своем месте в этой реальности. Коллективная память формируется вокруг индивидуальной, но имеет более широкие границы. Условия формирования коллективной памяти у индивида — члена группы должны быть такими: во-первых, изначальные воспоминания индивида не должны быть ясными, и, во-вторых, воспоминания самой группы должны быть прямо связаны с событиями личного прошлого (Хальбвакс 2005: 15). Отсутствие ясности воспоминаний восходит к недостатку опыта в силу возраста. Насчет второго пункта Хальбвакс делает интересное замечание о роли нации в конструировании коллективной памяти: нация является слишком большой группой, чтобы ее события непосредственно соприкасались с личной жизнью индивида (хотя такое и случается, это касается, например, жертв войны). Вопреки этому между нацией и индивидом существует много других, более ограниченных групп, через которые реализуется связь памяти. Далее о функциях коллективной памяти Хальбвакс пишет: «Коллективная память представляет группе ее собственный образ, который, конечно, развертывается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах» (Хальбвакс 2005: 27). Это помогает понять, почему, в его представлении, коллективная память и историческая память не одно и то же. Историк в своем анализе старается быть объективным, и потому историческая память — нарратив, описание событий в их последовательности, в то время как коллективная память групп всегда эмоционально окрашена и находится на стороне того или иного исторического актора.

Концепция коллективной памяти затрагивается в исследованиях травмы, набирающих популярность в междисциплинарных исследованиях. Согласно определению П. Штомпки, травма в социальных науках пони-

мается как «коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические» (Штомпка 2001: 10). Под влиянием травмы конструируется коллективная идентичность, перерабатывая травмирующий опыт путем его рутинизации и отделения эмоций от смысла. На этом этапе появляется деление на «сакральное» и «профанное», способствуя закреплению и перестроению коллективной идентичности. Но не стоит полагать, что процесс рутинизации исключает болезненность причиненной травмы: он лишь смягчает ее, позволяя ощущать социальную сплоченность, переходить к новым формам социальной инклюзии, сопереживать чужой боли. Таким образом, уроки травмы усваиваются в коллективной идентичности и соответственно памяти индивидов, устанавливая новые моральные нормы функционирования сообщества. Это положение отсылает к Смелзеру и установленным им характеристикам культурной травмы, среди которых угроза травмирующего воспоминания групповой идентичности, самому существованию группы (Smelser 2001). В контексте изучаемой мною темы угроза сохранению социальной идентичности жителей Тушино может состоять в изменениях, происходящих «сверху», — джентрификации района, реноваций зданий и в развитии новой застройки. Отражение травмирующих коллективных воспоминаний может стать фундаментом образа мышления жителей, который они несут с собой всю свою жизнь в районе. В определении Смелзера культурная травма является фундаментальной частью коллективной памяти. Работу по институционализации травмы выполняют также государственные органы, проводящие социальную политику и направляющие в нужное русло восприятие травмы. Это выражается, например, в установлении государственных праздников, дней памяти, дней траура, в организации и поддержке тематических мероприятий.

Отечественные исследователи травмы пишут о том, как травматический опыт передается будущим поколениям и отражается в культуре. Например, музеефикация травмы, т.е. создание музейных экспозиций о травмирующих событиях (музеи Холокоста, музеи истории ГУЛАГа и др.), предполагает, что параллельно с развлекательной функцией проводится образовательная (edutainment), подталкивающая посетителей к эмоциональной работе, переосмыслению описываемых событий и их причин. Ожидается, что посетитель задумывается о роли данных событий в жизни своего народа, соотносит себя с ними, в результате чего, возможно, чувствует солидарность с народом. Можно сказать, что память о травмирующих событиях выходит из области табуированного и становится частью публичного дискурса (Рождественская 2017).

В социальных науках исследование коллективной памяти происходит преимущественно путем анализа нарративов участников событий. При этом важную роль составляет медийное представление того, что мы помним, а также выражение памяти в предметах, географических локациях, изображениях. Однако при работе с коллективной памятью есть риск столкнуться с рядом проблем, например в ситуации, когда необходимо обратиться к интеллектуальной истории возникновения ряда артефактов, имеющих схожие культурные характеристики. К этому относится, например, работа с рецепцией, что выходит за границы предмета исторической памяти (Kansteiner 2002). Обращение к концепции коллективной памяти также встречается у исследователей, занимающихся вопросами этнической идентичности (Eyerman 2004).

Изучение коллективной памяти привело к выявлению подходов деконструкции термина. Анализ событий из истории России позволяет говорить о том, что идея патриотизма — одна из ведущих в конструировании коллективной памяти. Однако главенство идеи патриотизма порождает опасность однозначной трактовки исторических событий и уход от критической оценки в хвалебную (Wertsch 1998). На примере истории района Тушино это может быть выражено в отсутствии критического оценивания инициатив советского руководства по принудительному созданию фабричной зоны и устройству экономической специализации района «сверху». Советское наследие сейчас в наибольшей степени подвержено «политике памяти» (Стрельникова 2012, с.235), и потому изменения восприятия процессов, происходивших в советскую эпоху, переносятся на формирование идентичности (Стрельникова 2016). В том числе этому влиянию подвержена заводская инфраструктура района Тушино и памятные места, связанные с ней. Характер труда в районе Тушино менялся от принудительного (эпоха постройки канала им. Москвы заключенными Дмитровлага) к фабричному (завод «Молния» и Тушинский машиностроительный завод), притом что методы воздействия советского руководства оставались плано-директивными (Стрельникова 2018).

Количественные методы исследования использовались при изучении роли миграции в формировании коллективной памяти на территории постсоветского пространства. Результаты исследования показали, что важность в жизни индивида такого события, как миграция, наиболее сильно проявляется в «сталинской когорте» (т.е. среди лиц, для которых события коллективных переживаний пришлись на период конца 1930-х годов), а потом его значимость уменьшается. При анализе нарративов участников войны обнаружилось, что ветераны более склонны использовать в рассказах героическую символику и мифологию и избегают прямое

задействование личного опыта. Полагается, что подобное поведение связано с советским дискурсом о войне, идущим «сверху»: героические слова и мифологизация оправдывает страдания, смерть и выживание, а также является способом избежать прямого упоминания мучительных событий и, как следствие, возврата к личной памяти. Избегание непосредственного изложения личного опыта — одна из ярких черт, присущих рассказам о советском прошлом участников многих событий, в том числе это касается и нарративов ветеранов труда о их работе на заводах, ученых — об их исследовательских экспедициях (Жидкова 2014). Те, кто напрямую взаимодействовал с советским руководством, до сих пор стараются избегать личных эмоционально окрашенных суждений об этом опыте.

Концепция коллективной памяти также имеет свою роль в потреблении. Термин «ностальгическое потребление» отсылает нас к существованию неотрафлексированных мотивов потребления, связанных с чувством ностальгии и необходимостью поддерживать его. Это хорошо заметно в потреблении продуктов питания, в товарах, производители которых пытаются сделать уклон на те или иные события, связанные с коллективным прошлым потенциальных потребителей, чтобы вызвать у них ностальгические переживания (Sutton 2008). В контексте Тушино подобный эффект может получить заводская и судоходная тематика. О «потребительском потенциале» памяти для развития маркетинговых стратегий продукта пишет Холбрук, говоря о том, что некоторые продукты сопровождают потребителей в течение всей жизни начиная с детства, становясь объектами «ностальгического потребления» (Holbrook, Schindler 2003).

Таким образом, в исследовании я опираюсь на концепцию коллективной памяти, предлагаемую Хальбваксом, принимая во внимание особенности ее формирования в условиях советской политики. Для старожилов района коллективной памятью являются значимые события индустриальной жизни, связанной с трудовой специализацией района, исторические события, произошедшие на его территории, а также разделяемая сообществом старожилов коллективная травма. В случае Тушино под коллективной травмой я подразумеваю как потерю рабочих мест на предприятиях и, следовательно, изменение социального статуса бывших заводчан, так и строительство канала им. Москвы заключенными Дмитлага, о чем помнят потомки репрессированных граждан. Каждый год перед Днем памяти жертв политических репрессий по каналу им. Москвы совершает круиз «Теплоход памяти», общественный проект, посвященный памяти погибших при строительстве канала. Инициаторы проекта добиваются придания каналу охранного статуса. Маршрут теплохода достигает «Глубокой

выемки» — самого глубокого места канала, где участники возлагают цветы на воду*.

Социальные связи в городских сообществах

Классики социологии начали изучать становление человека в урбанизированной среде в связи с ростом городов и появлением массовой миграции в города из поселков и деревень. Об особенностях характера социальных связей в урбанизированной среде писал Зиммель, обращая внимание на детальное планирование и четкое распределение социальных взаимодействий в большом городе. Ресурс времени является наиболее ценным для горожанина: большие расстояния, преодолеваемые людьми в большом городе каждый день, требуют пунктуальности в коммуникации (Зиммель 2002). Денежные материальные отношения, как отмечает Зиммель, проникают в духовный мир и замещают общение, основанное на эмоциях. Иными словами, у горожан образуется все меньше близких, дружественных связей и все больше деловых, поверхностных. Высокая интенсивность контактов, с которыми индивид сталкивается каждый день в городе, порождает эмоциональную пресыщенность. В урбанизированной среде при увеличении разделения труда и разнообразия культур, собранных в одном месте, горожанин сталкивается с еще одной проблемой — необходимостью выстраивать свою индивидуальность и отстаивать ее публично для достижения желаемых результатов. В исследовании я рассматриваю фактор географической мобильности как одну из причин «размывания» общей территориальной идентичности тушинцев. Это понятие было использовано Урри по отношению к развитию социальной жизни. Мобильность, по Урри, является механизмом, запускающим процессы глобализации (Урри 2012).

Урбанизированная среда, в понимании Луиса Вирта, — это городское пространство, характеризующееся высоким размером, большой плотностью и гетерогенностью населения (Вирт 2005: 11). Миграционные процессы Вирт признавал единственным способ городов расширяться и самовоспроизводиться, обосновывая это историческим аспектом. В контексте Тушино индустриализация послужила первичным механизмом роста городского сообщества в районе, а последующая миграция способствует увеличению разнородности района по критерию социального класса его жителей. Вирт отмечает, что урбанизм является процессом кумулятивно-го заострения характеристик (Вирт 2005, с. 5), которые отличают связанный с ростом городов образ жизни, а также представляет движение

* Теплоход памяти [<http://teplohodpamyati.ru/>] (дата обращения: 25.01.2021).

к образам жизни, считающимся городскими. Подобно Зиммелю, Вирт утверждает, что в урбанизированной среде на смену коллективной солидарности традиционного общества приходят конкуренция и механизмы формального контроля деятельности жителей (Вирт 2005: 25).

Существует подход, развитый Кевином Линчем, согласно которому город представляет собой совокупность пространств различного назначения. Эти пространства не существуют изолированно, взаимопроникая друг в друга и видоизменяясь со временем. Линч выделяет следующие социально значимые части города:

- 1) пути — тротуары, улицы, автомагистрали, железные дороги, каналы; люди передвигаются по путям и вдоль них организуется вся остальная жизнь города;
- 2) границы — элементы, разделяющие зоны друг от друга (стены, края жилых домов);
- 3) районы — места, служащие упорядочиванию жизни в городе; могут выполнять функции путей, однако это зависит от конкретного города и образа жизни в нем; например, в Лос-Анджелесе и в Бостоне районы имеют характерные черты, позволяющие жителям отличать их друг от друга и проводить точное различие между ними;
- 4) узлы — соединительные звенья, разрывы транспортных коммуникаций; ими могут быть площади или кафе, расположенные на углу; в узлах скапливается народ, и по таким локациям в городе наиболее удобно ориентироваться;
- 5) ориентиры — точки, служащие предметами опознания, делающие маршрут узнаваемым, привычным; к ним могут относиться дверные ручки, витрины, вывески и другие примечательные детали (Линч 1982: 97).

Большое значение в теории урбанистики имеет концепция пространства, понимание множественности пространства в зависимости от того, кто является в нем актором, и какие функции несет в себе пространство в конкретный момент. Анри Лефевр развил предпосылки, данные Линчем, и таким образом разделил городское пространство на несколько составляющих:

1. Репрезентация пространства — образ пространства с позиции власти, с помощью которого властные структуры управляют восприятием города и повседневными практиками горожан.
2. Пространство репрезентации — неотрефлексируемый жителями образ, наполненный многозначными символами: родительский дом, родина, школьный двор.
3. Пространственные практики — совокупность рутинных практик горожан, обеспечивающих социальную связность жителей в про-

странстве (маршрут от дома до работы, траектория движения в супермаркете и другое). Взгляд на город со стороны властей, в том числе архитектурский, часто вступает в разрез с пространственными практиками (например, если между заасфальтированными дорожками можно найти путь короче, жители сами «протопчут» тропинку и будут ею пользоваться, что идет вразрез с изначальными директивами построения) (Лефевр 2015: 51).

Таким образом, пространство структурирует нашу жизнь, а перечисленные три пространственных «плана» реализуются одновременно. В ситуации постфабричного района нас интересует столкновение пространственных практик тушинцев и государственного видения предназначения района. Пространство репрезентации Тушино сформировано на основе трудовых практик прошлого: за объектами, располагающимися в районе, может быть закреплена своя символика, связанная не только с их целевым предназначением. От концепции Лефевра мы приходим к не менее важной мысли — идее о «праве на город», которой посвящен одноименный труд последователя Лефевра Дэвида Харви. Будучи, как и Лефевр, неомарксистом, Харви в своей книге утверждает, что городское пространство является полем классовой борьбы и реализации трудовых интересов разных слоев граждан. Однако, существуя во власти капитала, горожане чувствуют все большее «отчуждение» от города: реальное влияние на решения по градостроительным вопросам переходит государственным органам и привилегированным классам. Поэтому концепция права на город включает в себя право на участие в общественной и организационной жизни города, а также право на использование городских пространств и физический доступ к ним жителей всех социальных классов (а не только привилегированных). По мнению Харви, конечной целью «борьбы за город» должна стать возможность учета мнений всего населения в вопросах использования городских пространств (Харви 2008).

Тушино как район в составе Москвы в первые годы после угасания заводов только начинал свой путь как часть «глобального города», согласно концепции Сассена (Сассен 2007). Район постепенно уходит от привычного воспроизводства социального неравенства в сторону построения новой информационной экономики. В частности, то, что жизнь района больше не завязана на функционировании заводов, ускоряет процессы глобализации и джентрификации Тушино. Территории заводов имеют большой потенциал джентрификации, в результате которой здания многих советских заводов в Москве становятся выставочными центрами, концертными площадками, арт-пространствами для экспозиций современного искусства. Можно сказать, что пространства и инфраструктура

«гуманизируются» посредством возрождения через культуру (Викери 2009). Утратившие свое изначальное предназначение здания перестраиваются в духе «капиталистического реализма», которому свойственна многофункциональность пространств и доминирующая роль внешнего облика зданий по сравнению с внутренним устройством (Макарова 2010). Территория Тушинского машиностроительного завода пока не попала под джентрификацию, но на месте Тушинского аэродрома в данный момент проводится проект застройки жилого комплекса «Город на реке Тушино — 2018»^{*}.

Итак, рассмотрение особенностей социальных отношений в урбанизированной среде предполагает объяснение влияния города и его трансформаций на стили жизни индивидов и взаимодействие в сообществе. Можно сказать, что тушинское сообщество старожилов возникло под влиянием особенностей пространственной среды индустриального района и трудовых отношений. Джентрификация пространства района и придание ему политических смыслов отражаются в коллективной памяти и идентичности горожан.

Исследования социально-экономической дифференциации районов и практик потребления

В анализе потребительских практик жителей городских пространств важное место занимают теории об «обществе потребления», толчком к актуализации которых послужило развитие гипермаркетов в США (Бурстин 1993; Кларк 2002). Развивая идею Бодрийяра о мифичности общества потребления и потреблении не вещей, а симулякров (Бодрийяр 2006), Кларк пишет о том, что города сами становятся большими супермаркетами, а их районы — спутниками, спутниками (Кларк 2002). Окраинное расположение торговых центров в Москве делает спальные районы «потребительскими спутниками» города, лишая их своей идентичности и уникальности как объекта городского «непотребительского» досуга. О том, каким должен быть современный город, чтобы отвечать социальным и экономическим запросам граждан, пишет Джейн Джекобс, первоочередную важность для которой представляет реализация активной социальной жизни в открытых пространствах, т.е. на бульварах, в парках, дворах. В своей книге Джекобс критикует такое расположение домов, при котором организация пространства между ними не способствует

^{*} Проект «Дом на месте завода: как современная застройка меняет облик и функции районов». Грант № 18-02-0004, Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

развитию социальной жизни (Джекобс 2011). По теории Джекобс, нынешние «спальные районы» — провал урбанизации, потому как их устройство приводит к социальной изолированности и, значит, не инициирует возникновение групповой идентичности жителей как принадлежащих к району. Люди не задумываются об истории района, потому что видят в нем только «спальное» предназначение. Те пространства, которые люди физически не посещают, обречены на смерть, как бы хорошо они ни были спланированы. Зброшенны пространства со временем криминализуются, становясь все более неблагополучными. Отсылая к идее Линча о взаимопроникающих городских зонах, Джекобс приходит к тому, что у «границ» следует намеренно увеличивать разнообразие населения, укорачивать приграничные кварталы и оживлять улицы с помощью инфраструктуры. Чтобы окончательно избавиться от труппобных районов, архитекторы и городские власти должны сделать так, чтобы жители захотели в них остаться и видели там свой дом, а не временное пристанище. Эти идеи видятся мне актуальными для современных московских окраин и их судеб.

Соседству районов, диаметрально различных по наполнявшим их представителям социальных классов, посвящено исследование Зорбо «Золотой берег и труппобы». Районы проживания элиты соседствуют с дезориентированными хаотическими труппобами, однако жители «золотого берега» конструируют свою идентичность уже путем достигнутого ими социального положения, а не предписанного. Борьба за статус и престиж на «золотом берегу» характеризует всю происходящую там светскую жизнь: вхождение в высшее общество больше не зависит от того, в какой семье ты родился, а является результатом твоих собственных усилий. Таким образом, мы видим, как «труппобы» и «золотой берег» возникли в результате капиталистической сегрегации пространства, вопреки историческому аспекту (Зорбо 2004: 227). К аналогичным выводам приходит Вирт в исследовании еврейских гетто, говоря о том, что при физическом исчезновении границ гетто сохраняются границы психологические (Вирт 2005). Как «гетто», так и «золотой берег» имеет свой узнаваемый образ, способный «продать себя», т.е. привлечь к себе внимание жителей и туристов. Становление имиджа городов и районов во многом происходит благодаря культурному воспроизводству новых смыслов художниками и творцами. Искусство граффити, распространившееся изначально в бедных районах, претерпело изменения своего символического значения, став объектом искусства и способом выражения актуальных проблем повседневности. Это пример того, как районы становятся пространствами творческих инициатив, обходя государственное вмешательство и директивы «сверху» (Хохлова 2011).

Значимость мобильности как фактора развития города и становления урбанизации изучал Бёрджесс, говоря о том, что чрезмерный рост мобильности ведет к дезорганизации и преступности, образованию «ареалов безнравственности» (Бёрджесс 2000: 31). Поэтому первичные механизмы контроля индивида не менее важны. Бёрджесс разделяет мобильность на количество контактов индивида в окружающей среде и состояние изменчивости самого индивида. Исследование городского пространства Бёрджесс представлял как изучение центральных зон, каждая из которой характеризуется своими социальными институтами и типом труда. На основе данных о каждом из районов и по их расположению в той или иной зоне исследователь находил объяснения росту преступности или, наоборот, резкому повышению качества жизни.

Социальное взаимодействие в городских пространствах характеризуется проявлением «легкой социальности», т.е. восприятием индивида с функциональной, рыночной точки зрения без проявления агрессии к «чужим» (Amin, Thrift 2002). Символическая солидарность в городском сообществе ослабевает в силу его гетерогенности, а следовательно, и гетерогенности практик потребления. Таким образом, можно предполагать, что пост-фабричным московским районам и новоприсоединенным к Москве территориям приходится ассимилироваться, на что их подталкивает не столько соседствующая инфраструктура районов, сколько властное давление. Гомогенность потребительских практик в Тушино может быть свойственна старожилам, бывшим работникам заводов, которые чувствуют себя некомфортно в изменяющейся среде района, когда заводы (т.е. бывшие места постоянной работы) утратили свою образующую роль (Стрельникова 2018).

Итак, для анализа кейса Тушино я остановилась на концепции городского потребления, предлагаемой социологами чикагской школы. Являясь окраинным, Тушино соединяет как потребительское поведение, присущее докапиталистической трансформации района (посещение старых локальных магазинов), так и практики, пришедшие с ростом глобализации, например посещение окраинных торговых центров. Сами торговые центры становятся «точками притяжения» жителей и культивируют вокруг себя среду, более благоуханную, чем в отдаленных местах района.

Концептуальная модель и методология исследования

Цель исследования — изучение изменений в потребительских практиках старожилов Тушино под влиянием коллективной памяти и территориальной идентичности. В рамках данной работы для достижения цели я установила следующую задачу: выявить выраженные в потребительском

поведении стратегии сопротивления происходящим в районе урбанистическим трансформациям. Признаками выраженного в потребительских практиках сопротивления могут являться приверженность к старым местам потребления (магазинам, универсамам), которые за последние 30–40 лет сохранились практически без изменений, активное ведение натурального хозяйства не только для собственного потребления, но и на продажу. Также показателем оказываемого старожилами сопротивления новому укладу района является критика инфраструктурных преобразований, как, например, постройки торгово-развлекательных центров и новых культурных учреждений, называние мест по «старой памяти» теми названиями, которые были им присущи в годы функционирования заводов (Holbrook, Schindler 2003; Стрельникова 2018). Я остановилась на изучении товарного и культурно-досугового потребления по той причине, что джентрификация района больше всего отразилась именно на этих сферах, а также потому, что среди категории старожилов эти показатели можно измерить наиболее эффективно.

Резюмируя упомянутые в теоретической части подходы, в данной работе я соединяю их в одну концептуальную линзу для изучения потребительского поведения старожилов Тушино и их отношения к районным изменениям. Коллективная память связана с урбанизацией и инфраструктурными преобразованиями района, и изначальное политическое значение Тушино как стратегически важного производственного пространства меняется под влиянием глобализации. Между тем политический мотив также трансформируется из советского идеологического посыла в градостроительную повестку урбанизации и джентрификации пространств, что приводит к притоку в район населения, отличного по социально-экономическим характеристикам от сообщества старожилов. Строительство новой инфраструктуры призвано удовлетворять потребности гетерогенного по стилям жизни населения, и на территории района развивается потребительское поведение, отличное от сформировавшегося в индустриальную эпоху. Практическое содержание каждой из рассматриваемых концепций, на основе которых был разработан гайд интервью, приведено в таблице 1.

В исследовании приняли участие информанты, соответствующие следующим критериям:

- 1) проживающие в Тушино долгое время, с 1970–1980-х годов и по сей день. Это условие важно потому, что именно в этот временной период район активно функционировал в рамках своей производственной специализации и оставался достаточно закрытым для внешнего, нефабричного населения;

Таблица 1

Интерпретация основных понятий исследования

Концепт	Интерпретация
Сопrotивление новому укладу жизни	<ul style="list-style-type: none"> — привязанность к старым местам в районе (домам культуры, магазинам, спортивным комплексам и т.д.), которые остались неизменными после утасания работы заводов — отказ от пользования новой инфраструктурой, в том числе магазинами, торговыми центрами, кинотеатрами. — привычка называть старыми именами объекты, претерпевшие реконструкцию с «заводских» времен (например, ДК «Салют», ДК «Красный Октябрь») — наличие расширенного взаимообмена между старожилами — частичное ведение натурального хозяйства
Потребительские практики	<ul style="list-style-type: none"> — покупка товаров — пользование услугами — посещение культурных и спортивных мероприятий — наличие устойчивых предпочтений к тому или иному типу товаров
Коллективная память	<ul style="list-style-type: none"> — воспоминания о фабричном прошлом района — личный опыт, связанный с фабричной специализацией района — наличие в жизни человека событий, на которые оказало сильное влияние прошлое района — посещение тематических мероприятий, посвященных памятным событиям из жизни района (юбилей запуска «Бурана», юбилей ТМЗ, памятные мероприятия тушинского аэродрома)
Отношение к жизни в районе	<ul style="list-style-type: none"> — наличие ностальгических чувств по отношению к «фабричному» периоду жизни района — оценка результатов джентрификации — оценка результатов реконструкции памятных старых зданий района — выделение для себя «значимых» мест в районе

- 2) работавшие на Тушинском машиностроительном заводе или на предприятии «Молния» в 1970–1980-х годах. Меня интересует опыт как работников, так и просто старожилов района для возможности выявления более четких контрастов в выраженности признаков сопротивления в потребительских практиках и элементов культурной памяти.

Выборка сформирована методом снежного кома, когда информанты передавали контакты своих знакомых из числа бывших коллег, которые соглашались принять участие в исследовании. Несколько информантов были изначально рекрутированы в ходе мероприятия в культурном центре «Салют», проведенного 15 ноября 2018 г. и посвященного юбилею запуска космического корабля «Буран». Встреча на интервью будет назначаться в ходе телефонного разговора или переписки в WhatsApp.

В процессе полевого этапа мне удалось провести интервью с девятью информантами, из которых пятеро являются старожилками-заводчанами и четверо — старожилками района, но не заводчанами. Возраст самого молодого информанта составил 56 лет, в то время как верхняя граница возраста составила 83 года. Сбор данных осуществлялся с помощью полупроформализованного глубинного интервью. В ходе полевого этапа исследования были опрошены шесть женщин и трое мужчин, из которых четверо работали на Тушинском машиностроительном заводе, одна женщина — на «Молнии», и четверо были заняты в иных сферах: работа в научно-исследовательском институте, музыкальная аранжировка, торговля и преподавание в школе.

Только одно интервью проводилось с помощью звонка в Skype, все остальные проходили на личных встречах с информантами в разных местах Тушино. Удобной локацией для проведения интервью оказался торговый центр «Калейдоскоп», расположенный около метро «Сходненская»: там было проведено шесть интервью. Длина наиболее короткого интервью составляет 37 минут, а наиболее продолжительного — 1 ч. 3 мин.

Во время проведения полевого этапа исследования я столкнулась с проблемой низкого отклика. Исследуемая социальная группа оказалась труднодоступной в силу совокупности следующих факторов. Во-первых, возможно, в силу пожилого возраста некоторые потенциальные информанты, не вошедшие в итоговую выборку, проявляли недоверие к моей личности социолога-исследователя и не были персонально заинтересованы в предоставлении информации для исследования. Некоторые информанты явно выражали свою надежду на то, что я журналист или представитель политической партии, способной поднять актуальные темы дальнейшей судьбы завода и несправедливого отношения властей к его бывшим работникам (отказ в предоставлении жилья, в повышении пенсий ветеранам труда и пр.). Во-вторых, в связи с тем, что Тушинский машиностроительный завод и «Молния» в советское время были секретными предприятиями оборонной промышленности, информанты желали сохранить конфиденциальность информации, касающейся их должности и обязанностей на заводе. Вопрос конфиденциальности оказался очень

важен для информантов. Однако, несмотря на выраженное подозрение по отношению ко мне, информанты понимали, что такое социологическое исследование и почему соблюдение используемого мною инструментария необходимо. В-третьих, во время полевого этапа многие подходящие для интервью информанты уехали за город с наступлением весны, поэтому возможности связаться с ними не было. Стоит также отметить, что средний возраст информантов составил 65 лет, и люди этой возрастной когорты только начинают пользоваться интернетом, поэтому способ рекрута через социальные сети и тематические сообщества, посвященные Тушино, я не рассматривала.

Результаты исследования

Объекты коллективной памяти старожилов

Анализ собранных интервью показал, что информантам сложно вспомнить и перечислить много сохранившихся в первоначальном виде мест. Одно из самых часто упоминаемых — магазин «Славянка», а также помещения бывшего университета «Майский» и магазина «Эльбрус»:

«Славянка» на Химкинском, вот он остался, из всех магазинов, которые уже позакрывались, этому уже даже затрудняюсь сказать сколько лет, ну, наверно, он тогда не назывался, просто № 16 (ж., 65 лет, работает в сфере торговли).

Также большое внимание уделяется месту ДК «Салют» и кинотеатру «Балтика». Кинотеатр располагался на месте торгового центра «Калейдоскоп», около Сходненского рынка, который впоследствии тоже был закрыт. Для большинства информантов «Балтика», сейчас перенесенная внутрь торгового центра, являлась одним из узнаваемых символов района. Некоторые из возможных мест проведения досуга (ДК «Алые паруса», ДК «Красный Октябрь», кинотеатр «Полет», кинотеатр «Метеор» — нынешний дом культуры «Гжель») также были затронуты информантами, но скорее поверхностно, что может быть объяснено отдаленностью зданий и их незаметностью в ландшафте района («Балтика» и «Салют» располагаются на открытых территориях, а «Метеор» и «Полет», например, спрятаны в глубине района, между блочными домами, что мешает их просмотру с улицы).

Вы знаете, я еще такую вещь скажу интересную, плюс тем, кто устраивал «Калейдоскоп»: они сохранили дизайн «Балтики». Безусловно, как культурный центр «Балтика» была. То, что туда стекалась

молодежь, это факт. И когда я пришла в кино, я увидела, что дизайн сохранен, и мне было приятно (ж., 62 года, учитель в школе).

Наличие знаковых мест в Тушино, которые являлись ключевыми центрами притяжения в советские годы и обеспечивали работу заводов, помогает старожилам ориентироваться в районе, а закрепленные за местами имена служат своеобразными кодами в общении старожилов. Прежние названия используются, например, для назначения встреч друзей и бывших коллег. Переименование автобусной остановки из «Универсама» в «Захарково», на что тоже было обращено внимание одним из информантов, воспринялось старожилами с благодарностью к истории района (напомню, что на месте, где начинается район Северное Тушино, до присоединения Тушино к Москве находилось село Захарково).

В большинстве высказываний об инфраструктурных переменах в районе так или иначе упоминается власть. Прослеживаются две оптики рассмотрения роли власти в изменении среды района: руководящая и помогающая. Те информанты, которые сводили районные преобразования к руководящей роли власти, сейчас являются районными активистами в социальной сфере или были ими в прошлом. Информанты, придерживающиеся концепции власти как помогающей силы, обращали внимание на существование сильных общественных инициатив и районного гражданского общества, состоящего из старожилов и последовательно продвигающего свои интересы. Так как в советские годы заводы были секретными предприятиями и работали по государственному заданию, многих работников высоких должностей приглашали сотрудничать с органами власти в администрации района. В разговоре со старожилами, которые сейчас являются активистами и волонтерами района, аспект власти выходил на передний план. Так как информанты мало упоминали об общественных инициативах в преобразовании района и делали больший упор на директивы администрации, можно сказать, что мое предположение о том, что процесс ассимиляции Тушино происходит «сверху» благодаря властному давлению, подтвердилось. Выражаясь в терминах теорий Харви и Лефевра, заводчане утратили власть над средой, в которой обитают, их нужды при отсутствии достаточной репрезентации на более высоком уровне упускаются местной властью в постфабричной жизни района.

Классификация старожилов по способам сопротивления

Итак, по результатам анализа данных я могу предположить, что исходя из потребительских практик и стилей жизни старожилов Тушино можно разделить на три категории. По данным интервью оказалось, что

часть информантов вовсе не задумываются о своем потребительском поведении, в результате чего в разговорах с такими интервьюируемыми приходилось делать больший упор на воспоминания о домах культуры, кинотеатрах, выставочных центрах, т.е. на культурном потреблении и досуговых практиках. Я представляю типизацию старожилов исходя из интенсивности выраженности признаков потребительского сопротивления изменениям в районе. Если сопротивление присутствовало, то оно было представлено двумя стратегиями поведения: индивидуальное, выраженное в ностальгическом потреблении, и с помощью сотрудничества с муниципальными органами власти, т.е. путем институционального влияния на структуры районной жизни.

Выявленные группы и свойственные им черты поведения являются неполными вследствие небольшой выборки, однако я предполагаю, что результаты могут в достаточной мере отразить существующую специфику потребительского поведения. Такое допущение возможно в силу выявленной в предыдущих исследованиях коллективной памяти, разделяемой тушинцами, а также из-за замкнутости круга общения старожилов, поддержания старых связей.

Старожилы, оказывающие индивидуальное потребительское сопротивление. В данную категорию попали информанты, проявляющие потребительское сопротивление происходящим трансформациям, в основном выраженное в привычках посещать старые места культурного потребления и в ностальгическом потреблении. Имея социальный статус и репутацию в районе, спустя десятилетия они больше не проявляют активного взаимодействия с районными структурами, отдавая предпочтение семейному досугу, воспитанию внуков, не связанной с заводским прошлым работе. Им свойственен интерес к культурным центрам и локальным мероприятиям района, таким как, например, выставки художников:

А здесь много, я говорю, открылось музеев интересных, и сами выставки, инсталляции, все это очень движется вперед, это здорово, посмотреть это все. Есть ДК «Алые паруса», я там была на одной выставке, очень интересной художницы. Вообще сейчас, конечно, с точки зрения творчества очень интересные выставки проходят (ж., 68 лет, ТМЗ).

Старожилы следят за культурной жизнью района, изучая объявления в районной газете, анонсы на официальном сайте районных властей, а также от своих бывших коллег, с которыми сохраняются дружеские

связи. Стоит отметить, что, так как многие из них ветераны труда, их часто приглашают на организованные муниципальными властями праздники и общественные собрания, посвященные заводскому прошлому. Культурный центр «Салют» — место притяжения старожилов в связи с располагающейся там экспозицией о разработке космического корабля «Буран», а также по причине участия центра в проведении праздничных мероприятий. Значимость «Салюта» в коллективной памяти старожилов объясняется тем, что он изначально был построен как дом культуры при Тушинском машиностроительном заводе для внутренних мероприятий и концертов, устраиваемых специально для работников завода, уже после угасания функционирования завода став общедоступным. Также было упомянуто, что в здании кинотеатра «Балтика» находился рок-клуб, в 1980-е принимавший активное участие в районной антиалкогольной кампании и сыгравший роль в становлении Тушино как места проведения фестиваля «Монстры рока» в сентябре 1991 г.

Индивидуальное сопротивление в потреблении проявляется в ведении натурального хозяйства на дачном участке для личного пользования и продажи. В нарративах информантов присутствует тема ностальгии по советским продовольственным товарам, их вкусу и качеству, хотя подобные высказывания свойственны большому количеству изучаемой мною возрастной категории и потому не являются отличительной чертой тушинских старожилов. Тем не менее в контексте Тушино информантами упоминались местная кондитерская фабрика «Оникс», хлебобулочный завод на Планерной и молочная фабрика из Волоколамска — предприятия, продукция которых и по сей день распространена в основном на Северо-Западе Москвы:

Здесь есть очень хорошая местная кондитерская фабричка, небольшая, вот они делают тортики, это на Планерной. Можно прийти купить свежий тортик, только что сделанный. Потом нам привозят молоко, есть у нас магазин у моей знакомой, там свежайшее молоко, утреничное (ж., 65 лет, «Молния»).

Несмотря на выраженную приверженность к старым местам потребления, некоторые информанты к современным магазинам относятся положительно:

Мы с громадным удовольствием всей семьей бываем в «Калейдоскопе», и я скажу почему. Я считаю, что это настоящий тушинский шедевр сейчас, потому что, во-первых, там реально красиво внутри.

Сделан с хорошим вкусом, сделан красиво. <...> Там очень хорошо для взрослых, есть разнообразные кафе и рестораны, можно привести друзей. В основном в праздники бываем там (ж., 62 года, школьный учитель).

В целом для старожилов «личного сопротивления» район стал местом ностальгических воспоминаний из детства, о которых они с любовью рассказывали в интервью, например об авиационных парадах на Тушинском аэродроме, о старых двориках домов-«сталинок» на Лодочной улице:

Это не только для меня теплый уголок в Тушино, но и вообще в Москве. Московские дворики — это же песня, романсы, теплота (ж., 68 лет, ТМЗ).

Старожилы, оказывающие сопротивление путем сотрудничества с районной властью. Информантов, попавших в эту группу, объединяет связь с органами муниципального управления: волонтерство, активизм, помощь депутатам и отдельным структурам в вопросах социальной политики. Нельзя однозначно утверждать, что оценочные высказывания этой группы информантов о преобразованиях в районе имеют только политический оттенок и подчиняются принятой в их кругах идеологической линии. Сотрудничество с властями стало для них надежным ориентиром в постфабричной жизни Тушино и даже возможностью избежать одиночества после сворачивания заводской жизни. Они положительно относятся к торговому центру как к пространству для семейного отдыха, однако для ежедневного посещения могут предпочитать старые проверенные магазины, где давно знакомы лично с работниками. Продавцы таких магазинов являются не просто обсуживающим персоналом, а скорее друзьями для старожилов, через них прослеживаются сети социальных связей района. Как и те, кто сопротивляется индивидуально, среди активистов также распространено ведение натурального хозяйства на продажу в качестве помощи знакомым и бывшим коллегам:

Я занимаюсь этим делом уже больше 20 лет, и я, так сказать, обеспечиваю картошкой — я посчитал — 12 семей. Это пенсионеры в Тушино, все рядом: в моем доме... со всеми, с кем работал, в управе... у меня и глава управы брал картошку (м., 65 лет, ТМЗ).

Сотрудничество с властью выражается путем приписывания всех заслуг по благоустройству и инфраструктурным трансформациям района

префектуре. Активисты стараются привлечь к социальной работе и волонтерству товарищей с заводов. Организаторские способности, любовь к району и широкая сеть социальных связей внутри него помогли старожилам из данной категории реализовать свои гражданские инициативы:

Да, я сейчас удовлетворен. Сейчас правильная политика идет, мне нравится, и я стараюсь участвовать — и других привлекаю! В основном пожилых людей, потому что это касается пожилых людей (м., 65 лет, ТМЗ).

Очень много танцевальных детских ансамблей, которые там репетируют, выступают. Также очень много певцов, которые приезжают туда на концерты. И мы с удовольствием посещаем, наша префектура устраивает нам такие праздники, нашего района. Причем все это бесплатно. Нам раздают приглашения, мы раздаем их по району жителям (ж., 65 лет, работает в сфере торговли).

Посещение ресторанов не актуально для них сейчас, но районные места они знают в силу своей активистской деятельности:

Ну вот я раньше, до того как доллар стал очень дорогой, я посещала «Аморино». Это очень хороший ресторан во всех отношениях: и обслуживание, и директор, и кухня. Сейчас вот кафе, как он называется... «Мерси Баку» (ж., 65 лет, работает в сфере торговли).

Таким образом, в сотрудничестве с властью старожилы, особенно бывшие заводчане, чувствуют признание своих заслуг в советскую эпоху, ощущают свою значимость и сохраняют авторитет в районе. Долгие годы жизни, прожитые в Тушино, и осведомленность о его актуальных проблемах делают их мнение своего рода экспертным для более молодых людей, сравнительно недавно прибывших на государственную службу. Политически активные старожилы, сближаясь с властями, не только защищают свои инициативы относительно урбанистических инфраструктурных преобразований в районе, но и дают возможность проявить потребительское сопротивление себе и тем, чьи интересы они представляют.

Несопrotивляющиеся старожилы. Жители, попавшие в последнюю категорию, в разговоре не проявили заинтересованности в районных урбанистических и политических преобразованиях. Такие информанты, вышедши на пенсию после закрытия заводов, уделяют время в основном семье или работе.

Старожилы с ностальгией вспоминают многие места в районе, связывая их с детством и юношеством. Все районные объекты, которые были выделены как значимые предыдущими категориями информантов, были упомянуты и среди несопротивляющихся:

Раньше тут был кинотеатр «Балтика», который находится тут рядом у метро Сходненская, а потом сделали торговый центр. Туда часто ходили, но не сейчас. Был кинотеатр «Полет» и «Метеор», которые находились в Тушино, видимо, Южном, улица Меццержакова или дальше. Мы туда часто ездили, маленькие, когда были, сами садились на автобус, потому что других развлечений особо не было (м., 56 лет, работает в музыкальной индустрии).

Посещая сетевые аптеки и магазины, старожилы знают, где могут обмануть:

Я хожу вот только в магазины на своей улице. Я уже знаю где что, бывает где скидки, бывает где обманывают. Случайно забывают сдачу дать (м., 56 лет, музыкальная индустрия).

У них нет ярко выраженных потребительских предпочтений, новые магазины они не игнорируют, являясь наблюдателями:

А кафе-рестораны — я вообще не любитель кафе и ресторанов, начнем с этого. Иногда посмотреть — что нового построили. В тот же «Калейдоскоп» прийти и посмотреть, как все устроено (ж. 63 года, ТМЗ).

Торговые центры не являются для них доступным вариантом для совершения покупок в силу завышенных цен:

В «Калейдоскопе» приобрел телевизор два года назад. Туда ходить — это как на выставку ходить (м., 72 года, ТМЗ).

Многие несопротивляющиеся посвятили всю жизнь заводу, причем не только работе, но и управлению, организаторской деятельности в заводском коллективе. Так, один из бывших заводчан, занимавший высокую должность, рассказал, что под его управлением были построены коммунальные дома для работников и их семей, а также культурные центры. Их территориальная идентичность прочно укоренена в районной фабричной

специализации, и воспоминания уходят глубоко в прошлое, однако они не видят механизмов и возможностей как-то повлиять на властные решения. К культурной жизни района в настоящий момент относятся нейтрально, не осведомлены о ней.

Заключение

Изучение работ о формировании коллективной памяти социальных сообществ, объединенных общей территорией, а также рассмотрение социальных последствий урбанизации территорий привело меня к предположению, что наличие коллективной памяти может влиять не только на самоидентификацию членов сообщества, но и на их потребительские практики в повседневной жизни.

Основываясь на нарративах старожилов района Тушино и бывших работников предприятия «Молния» и Тушинского машиностроительного завода, я предложила классификацию информантов относительно стилей их потребительского поведения. Я выделяю категорию старожилов, индивидуально сопротивляющихся закрытию привычных магазинов, перестройке культурных центров и кинотеатров; категорию жителей, использующих административный ресурс для защиты значимых мест коллективной памяти и соответственно сохранения прежних моделей потребления; группу старожилов, не проявляющих признаки сопротивления в потребительских практиках. Таким образом, частично подтвердилось предположение о том, что коллективная память влияет на потребительское поведение, а сообщество старожилов и бывших заводчан замкнуто и сепарировано от нового населения Тушино. Потребительский консерватизм в поведении старожилов — результат их сопротивления инфраструктурным трансформациям, следует им. В современной жизни района значимую роль играют представители власти, и потому с целью защиты объектов коллективной памяти, а также сохранения своего социального статуса многие старожилы приняли решение заниматься социальной работой и активизмом. Территориальная идентичность позволяет старожилам «обретать право на город», а потребительские практики в некоторой степени отражают выбранную позицию по отношению к районным изменениям. Индивидуальный опыт не всегда трансформируется исключительно в ностальгические воспоминания: интервью показали, что старожилы достаточно критично смотрят на заводское прошлое Тушино и могут независимо оценить гражданские и властные инициативы в трансформациях района.

В ракурсе дальнейших исследований представляет интерес более глубокое изучение отношений власти и старожилов на постфабричных

территориях, разделения между ними зон влияния и поиск путей разрешения конфликтов. Я предполагаю, что похожие тенденции можно обнаружить и среди групп старожилов других районов Москвы, имевших индустриальное прошлое в советский период.

Литература

Бёрджесс Э. (2000) Рост города: введение в исследовательский проект. *Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология*, 4: 122–136.

Бодрийяр Ж. (2006) *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция; Республика.

Бурстин Д. (1993) Сообщества потребления. *Thesis*, 3: 231–254.

Викери Д. (2009) Возрождение городских пространств посредством культурных проектов — синтез социальной, культурной и городской политики. *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М.: Вариант; ЦСПГИ: 205–235.

Вирт Л. (2005) Гетто. В кн.: Вирт Л. *Избранные работы по социологии*: сборник переводов. Пер. с англ. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН.

Вирт Л. (2005) Урбанизм как образ жизни. В кн.: Вирт Л. *Избранные работы по социологии*: сборник переводов. Пер. с англ. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН: 93–118.

Джейкобс Дж. (2011) *Жизнь и смерть больших американских городов*. М.: Новое издательство.

Жидкова Е. (2014) Городская окраина: от героизации «человека труда» до поиска новых смыслов. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 1: 57–63.

Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 3–4. [<http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>] (дата обращения: 25.01.2021).

Зорбо Х. (2004) Золотой Берег и трущобы. *Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология*, 3: 115–154; 4: 140–178.

Кларк Д. (2002) Потребление и город, современность и постсовременность. *Логос*. 34(3) [<http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>] (дата обращения: 25.01.2021).

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Линч К. (1982) *Образ города*. М.: Стройиздат.

Макарова Е. (2010) Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве. *Неприкосновенный запас*, 2(70): 150–152.

Рожественская Е. (2017) Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста. *Логос*, 27(5): 87–132.

Сассен С. (2007) *Глобальный город: теория и реальность*. М.: Аванглион: 9–27.

Стрельникова А.В. (2018) Прошлое и настоящее рабочих районов. [<http://present-past.ru/>] (дата обращения: 25.01.2021)

Стрельникова А. (2012) «Места памяти» в городском пространстве. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, 2: 231–238.

Стрельникова А. (2016) Политика памяти как символическая реинтерпретация прошлого (на примере памятника «Рабочий и колхозница»). *XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн.* Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ: 253–258.

Стрельникова А. (2018) Смыслы жизни, укорененные в пространстве: ностальгическая идентичность жителей «заводских» районов. *Смыслы жизни российской интеллигенции*. М.: РГГУ: 275–280.

Стрельникова А. (2018) Судьба Бурана в структуре территориальной идентичности района Тушино. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 16: 60–68.

Тённис Ф. (2002) *Общность и общество*. СПб.: Владимир Даль.

Урри Дж. (2012) *Мобильности*. М.: Праксис.

Хальбвакс М. (2005) Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 40–41: 8–27.

Харви Д. (2008) Право на город. *Логос*, 3: 80–94.

Хохлова А. (2011) Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(5): 182–191.

Штомпка П. (2001) Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*, 1: 6–16.

Amin A., Thrift N. (2002) *Cities: reimagining the urban*. Cambridge: Polity Press. [<http://www.worldcat.org/title/cities-reimagining-the-urban/>] (дата обращения: 25.01.2021).

Eyerman R. (2004) The Past in the Present: Culture and the Transmission of Memory. *Acta Sociologica*, 47(2): 159–169.

Gotham K. (2001) Urban Redevelopment, Past and Present. In: *Critical Perspectives on Urban Redevelopment*. Vol. 6. Bingley: Emerald Group Publishing Limited: 1–31.

Holbrook M., Schindler R. (2003) Nostalgic bonding: Exploring the role of nostalgia in the consumption experience. *Journal of Consumer Behavior*, 3(2): 107–127.

Kansteiner W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, 41(2): 179–197.

Smelser N. (2001) Psychological Trauma and Cultural Trauma. In: Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press: 31–59.

Smith N. (2002) New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy. *Antipode*, 34(3): 427–450.

Sutton D. (2008) A Tale of Easter Ovens: Food and Collective Memory *Social Research*, 75(1), Collective Memory and Collective Identity: 157–180.

Wertsch J. (2008) Collective Memory and Narrative Templates. *Social Research*, 75(1), Collective Memory and Collective Identity: 133–156.

THE INFLUENCE OF COLLECTIVE MEMORY ON CONSUMPTION PRACTICES: THE CASE OF TUSHINO DISTRICT (MOSCOW)

Galina Karpova (karp141@yandex.ru)

Central European University, Budapest, Hungary

Citation: Karpova G. (2021) Vliyaniye kolektivnoy pamyati na potrebitel'skiye praktiki: keys rayona Tushino (Moskva) [The influence of collective memory on consumption practices: the case of Tushino district (Moscow)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(1): 138–167 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.6>

Annotation. The article is devoted to the study of ongoing transformations of consumer practices among old Tushino residents in connection with changes of lifestyle and type of labor in the area. As a Moscow district, Tushino was one of the centers of aviation, army and civil industries during Soviet years. In particular, workers of Tushino mechanical factory, founded in 1932, in cooperation with «Molniya» institute researchers have constructed and launched «Buran» spacecraft in 1988. Since the beginning of the 2000s, Tushino factories started fading and ceased to function completely by 2013, giving up their space for rent to commercial companies. How do collective memory and ex-factory infrastructure influence on old residents' consumer behavior in the district? In my work, I continue the existing project “Past and present of working-class districts”, with the focus on the consumer practices in the context of district changes. During the study, 9 semi-formal interviews with old Tushino residents were conducted, with former employees of the Tushino mechanical factory and “Molniya” enterprise, as well as with old residents who were not involved in factory life. Informants were asked about their personal history of living in Tushino, views on current changes and consumer habits. Based on the analysis of the interview, I present three consumer strategies for responding to district transformations shared among residents. The first strategy is based on individual consumer resistance and unites residents who resist urban transformations by nostalgic consumption and the commitment to shops, department stores and places of cultural consumption that have barely changed from Soviet times. People from this category closely maintain social connections with other members of their community. The second group includes old-timers who resist by cooperating with the local authorities as activists, volunteers and councilors of municipal deputies. By influencing on political

initiatives on transformation of the area and promoting ideas of preserving factory infrastructure, activists indirectly express consumer resistance. The third group represents residents who do not demonstrate signs of resistance. The study partially confirms the assumption that resistance to post-industrial transformations is manifested in the consumer behavior of old Tushino residents.

Keywords: territorial identity, collective memory, consumption practices, gentrification, ex-factory area, industrial area.

References

- Amin A., Thrift N. (2002) *Cities: reimagining the urban*. Cambridge: Polity Press. [<http://www.worldcat.org/title/cities-reimagining-the-urban/>] (accessed: 25.01.2021).
- Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya. Respublika (in Russian).
- Burgess E. (2000) Rost goroda: Vvedenie v issledovatel'skij proekt [The Growth of the City: An introduction to a research project]. *Social'nye i gumanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sociologiya* [Social and humanitarian sciences abroad. Ser. 11. Sociology], 4: 122–136 (in Russian).
- Burstin D. (1993) *Soobshchestva potrebleniya* [Consumption communities]. *Thesis*, 3: 231–254 (in Russian).
- Clarke D. (2002) Potreblenie i gorod, sovremennost' i postsovremennost'. [Consumption and city, modernity and post-modernity] *Logos*. 34(3) [<http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>] (in Russian).
- Eyerman R. (2004) The Past in the Present: Culture and the Transmission of Memory. *Acta Sociologica*, 47(2): 159–169.
- Gotham K. (2001) Urban Redevelopment, Past and Present. In: *Critical Perspectives on Urban Redevelopment*. Vol. 6. Bingley: Emerald Group Publishing Limited: 1–31.
- Halbwachs M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [On collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, 40–41 (in Russian).
- Harvey D. (2008) Pravo na gorod [Right to the city]. *Logos*, 3, pp. 80–94 (in Russian).
- Holbrook M., Schindler R. (2003) Nostalgic bonding: Exploring the role of nostalgia in the consumption experience. *Journal of Consumer Behavior*, 3(2): 107–127.
- Jacobs J. (2011) *Zhizn' i smert' bol'shikh amerikanskih gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Kansteiner W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, 41(2): 179–197.
- Khokhlova A. (2011) Gorodskie publichnye mesta kak ploshchadki kul'turnogo proizvodstva i potrebleniya [Urban public places as sites of cultural production and consumption]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(5): 182–191 (in Russian).
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press (in Russian).
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow: Strojizdat (in Russian).

Makarova E. (2010) Postindustrializm, dzhentrifikaciya i transformaciya gorodskogo prostranstva v sovremennoj Moskve. [Post-industrialism, gentrification and transformation of urban space in modern Moscow]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2(70): 150–152 (in Russian).

Rozhdstvenskaya E. (2017) Rerezentaciya kul'turnoj travmy: muzeifikaciya holokosta. [The representation of cultural trauma: the museumification of the Holocaust]. *Logos*, 27(5): 87–132 (in Russian).

Sassen S. (2007) *Global'nyj gorod: teoriya i real'nost'* [Global city: theory and reality]. Moscow: Avanglion: 9–27 (in Russian).

Shtompka P. (2001) Social'noe izmenenie kak travma [The social change as trauma]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1: 6–16 (in Russian).

Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' [The *Metropolis* and *Mental Life*], *Logos*, 3–4 [http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf] (in Russian).

Smelser N. (2001) Psychological Trauma and Cultural Trauma. In: Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 31–59.

Smith N. (2002) New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy. *Antipode*, 34(3): 427–450.

Strelnikova A. (2012) «Mesta pamyati» v gorodskom prostranstve [«Places of memory» in urban space]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art], 2: 231–238 (in Russian).

Strelnikova A. (2016) Politika pamyati kak simvolicheskaya reinterpretaciya proshlogo (na primere pamyatnika «Rabochij i kolhoznic») [The politics of memory as a symbolic reinterpretation of the past (on the example of the monument «Worker and collective farmer»). In: *XVI Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn.* [XVI April international scientific conference on economic and social development]. Kn. 2. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VSHE: 253–258 (in Russian).

Strelnikova A. (2018) Smysly zhizni, ukorenennye v prostranstve: nostalgicheskaya identichnost' zhitelej «zavodskih» rajonov [Meanings of life rooted in space: the nostalgic identity of “factory” districts' residents]. In: *Smysly zhizni rossijskoj intelligencii* [The meaning of life of the Russian intelligentsia]. Moscow: RGGU: 275–280 (in Russian).

Strelnikova A. (2018) Sud'ba Burana v strukture territorial'noj identichnosti rajona Tushino [«Buran» role in territorial identity of Tushino district]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation], 16: 60–68 (in Russian).

Strelnikova A.V (2018) Proshloe i nastoyashchee rabochih rajonov [Past and present of working districts] [http://present-past.ru/] (accessed: 20.04.2020) (in Russian).

Sutton D. (2008) A Tale of Easter Ovens: Food and Collective Memory *Social Research*, 75(1), Collective Memory and Collective Identity: 157–180.

Toennis F. (2002) Obshchnost' i obshchestvo [Community and society]. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Urri J. (2012) Mobil'nosti [Mobilities]. Moscow: Praxis (in Russian).

Vikeri D. (2009) Vozrozhdenie gorodskih prostranstv posredstvom kul'turnyh proektov — sintez social'noj, kul'turnoj i gorodskoj politiki [Urban renewal through cultural projects — a synthesis of social, cultural and urban policy]. *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati*. Moscow: Variant; CSPSR: 205–235 (in Russian).

Wertsch J. (2008) Collective Memory and Narrative Templates. *Social Research*, 75(1), Collective Memory and Collective Identity: 133–156.

Wirth L. (2005) Getto [Ghetto]. In: Wirth L. *Izbrannye raboty po sociologii*: Sbornik perevodov [Selected works in sociology]. Moscow: INION (in Russian).

Wirth L. (2005) Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life] In: Wirth L. *Izbrannye raboty po sociologii*: Sbornik perevodov [Selected works in sociology]. Moscow: INION (in Russian).

Zhidkova E. (2014) Gorodskaya okraina: ot geroizacii «cheloveka truda» do poiska novyh smyslov. [Urban outskirts: from the heroization of the labor man to the search for new meanings]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labirint. Journal of social and humanitarian research], 1: 57–63 (in Russian).

Zorbo H. (2004) Zolotoj Bereg i trushchoby [The gold coast and the Slum]. *Social'nye i gumanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sociologiya* [Social and humanitarian sciences abroad. Ser. 11. Sociology], 3: 115–154; 4: 140–178 (in Russian).